

Турция и Россия, Эрдоган и Путин

ПОНАРС Евразия
Аналитическая записка № 444
Октябрь 2016 г.

Айше Заракол¹
Кембриджский университет

Летом 2016 года многие в западных политических кругах стали задаваться вопросом о том, не пошел ли Президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган по стопам своего российского коллеги, и как далеко этот путь может завести его страну. Неудачная попытка государственного переворота, состоявшаяся 15 июля, изменила турецкую внутривластную динамику совершенно непредсказуемым образом. На многие из возникших в этой связи вопросов теперь уже можно дать более или менее определенный ответ. Турция на всех парах мчится к откровенному авторитаризму; более того, на этом пути она уже успела нагнать – а в некоторых областях даже перегнать – путинский режим.

Попытка переворота

Попытка государственного переворота в Турции была совершенно неожиданной и весьма кровопролитной. Истребители путчистов всю ночь терроризировали Анкару и Стамбул. Впервые в истории страны бомбардировкам подверглось даже здание парламента.² Однако Эрдоган, как и Путин, умеет извлекать пользу практически из любого политического кризиса. Сразу после начала путча он успешно навязал обществу идею о том, что организаторами являлись сторонники Фетуллаха Гулена в турецкой армии.³ Именно такой версии до сих пор жестко придерживается официальная Анкара. Гулен – исламский клерик, проживающий в изгнании в США. Он возглавляет глобальное движение (или культ, как считают его критики), под эгидой которого работает целая сеть школ и коммерческих компаний. Гулен и Эрдоган были близкими соратниками до 2013 года. Во многом именно поэтому многие турки – даже оппозиционно настроенные – склонны доверять версии о том, что в государственных

¹ Айше Заракол ([Ayşe Zarakol](#)) – доцент Кембриджского университета

² Более подробную информацию о попытке государственного переворота в Турции см. в источнике: Ayşe Zarakol, “[The Failed Coup Attempt in Turkey: What We Know So Far](#),” PONARS Eurasia Policy Memo No. 433, июль 2016 г.

³ Многие из арестованных офицеров являются сторонниками Гулена, причем некоторые уже дали признательные показания – однако неясно, кто еще принимал участие в попытке переворота.

структурах Турции полно тайных и явных сторонники Гулена. В этой связи даже они в большинстве своем встали на сторону Эрдогана.⁴

Огромная разница в западном и турецком восприятии событий, произошедших (и до сих пор происходящих) в Турции, подстегнула антизападные настроения среди многих турков. Учитывая, что путча никто совершенно не ожидал, и что (в отличие от предыдущих попыток переворота в стране) в последнее время мало кто призывал армию вмешаться в политический процесс, первой реакцией турецкой общественности на события 15 июля был шок. После того, как стало известно о масштабах жертв среди мирного населения и разрушений в результате бомбардировок, за шоком последовала психологическая травма. Эрдоган умело воспользовался этой ситуацией. Он начал представлять западные государства в образе врагов турецкого народа, остановившись в шаге от прямых обвинений США в спонсировании путча, а затем приступил к нейтрализации турецкой оппозиции.

Анти-путч

Уже 18 июля в стране на 3 месяца было введено чрезвычайное положение, которое дало Эрдогану право издавать указы без контроля со стороны других ветвей государственной власти. В октябре чрезвычайное положение продлили еще на 3 месяца. Президент Турции, в частности, предпринял следующие шаги, которые пострадавшие от них даже не могут оспорить в суде:

- Тысячи организаций и компаний, связанных со сторонниками Гулена (и других ведущих оппозиционеров) были закрыты. Принадлежавшая им земля, недвижимость и другие активы перешли в собственность государства.
- В вооруженных силах прошла серьезная реорганизация. Сухопутные войска, Военно-морской флот и Военно-воздушные силы были поставлены под прямой контроль Министерства обороны.⁵ Жандармерия и Береговая охрана были переподчинены МВД и выведены из системы военного командования. Тысячи человек были уволены с военной службы с лишением всех прав и привилегий.
- Во всех госорганах прошли серьезные чистки. Десятки тысяч человек были задержаны или арестованы, а еще столько же (в том числе многие учителя) потеряли работу. Многие из подвергшихся чисткам не имели никакого отношения к движению Фетуллаха Гулена; их вина заключалась лишь в принадлежности к некоторым учительским профсоюзам. Уйти в отставку заставили всех ректоров университетов, а в отношении тысяч ученых ведется расследование.
- Были закрыты многие независимые СМИ, в том числе телеканалы. Многие журналисты оказались под арестом, причем в отношении некоторых были выдвинуты такие абсурдные обвинения, как поддержка путча путем передачи «подсознательных сигналов» в новостях.

⁴ Более подробную информацию см. в: Ayşe Zarakol, "[Turkey through the Looking Glass](#)," London Review of Books blog, 3 августа, 2016 г.

⁵ Ранее они были подчинены Генеральному штабу, который формально подчинялся президенту. В результате они имели большую степень автономии. Без чрезвычайных полномочий, данных президенту в связи с введением чрезвычайного положения, должность президента является в основном церемониальной, по крайней мере по нынешней конституции.

Все эти меры пользовались широкой поддержкой среди населения, по крайней мере на первых порах. После перенесенной психологической травмы многие турки поддерживали коллективное наказание сторонников Гулена. Их осадный менталитет и обострившаяся после 15 июля подозрительность в отношении иностранцев поразительным образом перекликаются с эмоциями, преваляровавшими среди россиян в разгар крымского кризиса.

За несколько месяцев после путча Эрдоган сумел успешно нейтрализовать светскую оппозицию «кемалистов». В частности, 7 августа правительство провело массовую демонстрацию «Демократия и павшие герои» с использованием лозунгов и символики, которые ранее традиционно использовали сторонники подчеркнуто светского государственного устройства по заветам основателя современной Турции, Кемаля Ататюрка. Все самые влиятельные лидеры оппозиции (за исключением прокурдской партии HDP) посчитали необходимым принять участие в этой демонстрации. С тех пор им очень сложно – если не сказать невозможно – подвергать каким-то сомнениям новый «национальный консенсус», который приравнивает благополучие страны и турецкой демократии к сохранению личной власти Эрдогана. После путча Эрдоган начал использовать и другие аспекты «кемализма» для дальнейшей легитимизации своей политики, в т.ч. параноидальные опасения происков «врагов турецкого государства», как внутренних, так и внешних. Теперь уже его обвинения в адрес Запада мобилизует не только его собственную базу поддержки, но и «кемалистскую» оппозицию. Эти обвинения перекликаются с традиционным кемалистским восприятием событий Первой мировой войны – которая, по мнению кемалистов, стала кульминацией постоянных попыток западных стран подорвать турецкую независимость и привела к развалу Османской империи. Более того, Эрдоган и его сторонники начали называть нынешний кризис «Новой войной за независимость», проводя таким образом параллели с турецкой войной за независимость 1919-1922 годов, в ходе которой ополчение под руководством Мустафы Кемаля боролось за основание нынешней Турецкой республики.

Параллели с Россией

Нынешняя ситуация полностью благоприятствует превращению турецкого правительства в жесткий авторитарный режим. В данных после 15 июля интервью Эрдоган неоднократно заявлял, что о грядущей попытке государственного переворота его не предупредило ни военное командование, ни разведка. О путче он узнал лишь через несколько часов после его начала от брата своей жены. По официальной версии, вся заслуга за срыв путча лежит лично на Эрдогане и на турецком народе. Тем самым он противопоставляет себя, национального лидера, и «свой народ» государственным институтам, о которых он отзывается весьма презрительно. Это очень опасная ситуация, которая многим напоминает начало расцвета фашизма в Европе в первой половине прошлого века.

В своей статье, опубликованной в 2012 году, Александр Мотыль [настаивал](#) на том, что Россия не является авторитарным государством в классическом смысле этого понятия. Он утверждал, что в России сочетаются элементы авторитаризма и фашизма, и что наиболее подходящим термином для описания российского государства является «фашизоидное». Он, в частности, писал:

«Как и в типично авторитарных системах, для фашистского государственного устройства характерно отсутствие настоящего парламента, судебной системы, политических партий и выборов. Эта

система крайне централизована; особым авторитетом в ней пользуются военные и полиция; в ней жестко доминирует партия власти; в ней ограничена свобода СМИ, слова и собраний; и в ней подвергается гонениям оппозиция.»

Турция уже двигалась именно в таком направлении еще до путча. По мнению Мотыля, отличие фашистских систем от авторитарных заключается в том, что при фашизме «всегда наличествует верховный лидер с элементами культа личности; этот лидер всегда источает силу, энергичность, молодость и мужество». Сегодняшний турецкий режим полностью соответствует описанию российского режима, данному Мотылем:

«авторитарные институты служат платформой для харизматичного лидера, проводящего политику великодержавия, ультранационализма и неоимперского возрождения, и являющегося главным источником легитимности и стабильности всего режима».

Но насколько устойчив подобный режим в Турции? Мотыль писал, что российский режим «может рухнуть в один день, а может медленно разваливаться десятилетиями». То же самое справедливо и в отношении Турции. С одной стороны, турецкая экономика, которая уже испытывала серьезные трудности еще до попытки переворота, сейчас находится на грани кризиса. В стране также продолжается конфликт с курдами на юго-востоке. Еще одной проблемой является ситуация в соседней Сирии (в т.ч. ИГИЛ). Однако режим Путина в одинаково или даже более тяжелых условиях держится уже много лет, хотя Мотыль и другие аналитики и указывают на его хрупкость. Тем временем турецкие отношения с Западом – особенно с США – находятся в самой нижней точке за всю историю современной Турции. Но как и в случае с Путиным, эта напряженность идет лишь на пользу Эрдогану.

Последствия для турецко-российских отношений

У Турции и России всегда было много общего, начиная с истории их формирования как государств (Османская и Российская империи берут свое начало, соответственно, от монгольского и византийского исторического наследия) и заканчивая радикальной модернизацией обеих стран в начале 20-го века. Похоже, что в эру эрдоганизма и путинизма их история вновь начала следовать параллельными курсами. Но значит ли это, что параллели будут отмечаться и во внешней политике этих двух стран? Эрдоган принес Путину извинения за российский бомбардировщик, сбитый турецким истребителем за 2 недели до путча, а уже 9 августа он посетил Россию с официальным визитом (причем это был его первый иностранный визит после 15 июля). Вполне понятно, почему он стремится к налаживанию отношений с Россией: причины тому как [экономические](#), так и политические.⁶ Но учитывая долгосрочные институциональные связи Турции с Западом, а также ее серьезные политические расхождения с Москвой по поводу Сирии, большинство западных аналитиков [скептически](#) относятся к возможности реального сближения Турции и России. Не следует забывать, что несмотря на все сходства между этими двумя странами, а также на их долгую историю регионального соседства, в этой истории намного больше соперничества, чем партнерства.

⁶ Отношения между Турцией и США после попытки переворота резко осложнились. Улучшение отношений с Россией в Турции рассматривается как мощный инструмент давления на США. Смотри, к примеру, редакционную статью в проправительственной газете *Daily Sabah*.

Тем не менее, нужно отметить один эпизод реального турецко-российского сотрудничества в относительно недавнем прошлом. Во время и сразу после турецкой войны за независимость 1919-1922 года Кемаль и Москва действительно поддерживали союзнические отношения, направленные против Западных «имперских агрессоров». В рамках этого альянса вновь созданное ополчение под руководством Кемаля получало значительную финансовую помощь.⁷ В годы Холодной войны турецкие учебники по истории об этом факте предпочитали умалчивать, однако теперь его можно креативно вписать в идеологию «новой войны за независимость», провозглашенную турецким руководством.

Заключение

Аналитики, которые списывают со счетов возможность реального российско-турецкого альянса, недооценивают политическую смекалку Путина и Эрдогана, а также переоценивают жесткость их стратегий в отношении Сирии. Для Эрдогана важнее сохранить свою власть, чем добиться каких-то конкретных целей в Сирии. В свою очередь, для Путина при определенных обстоятельствах может оказаться предпочтительней стратегия, которая вобьет клин между Турцией и НАТО. Нельзя однозначно утверждать, что Турция рассорится с НАТО – ни и полностью отвергать подобную возможность было бы глупо, особенно учитывая все те непредсказуемые события, что [имели место](#) за последние несколько месяцев.

⁷ Дальнейшую информацию об этом альянсе см. в источнике: Ayşe Zarakol, *After Defeat: How the East Came to Live with the West*, Cambridge University Press, 2011.